

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «РУДАКОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба no. 43239/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 октября 2010

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Рудаков против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой в составе:
Христоса Розакиса, Председатель,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Дина Шпильманна,
Сверре Эрика Йебенса,
Джорджио Малинверни,
Георга Николау, *судьи*,
и Сорена Нильсена, Секретарь Секции,
Заседая за закрытыми дверями 7 октября 2009 года,
Вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 43239/04), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином России г-ном Василием Юрьевичем Рудаковым (далее – заявитель) 9 ноября 2004 года.

2. Заявитель был представлен г-ном Ф. Багрянским, г-ном М. Овчинниковым и г-ном А. Михайловым, адвокатами, практикующими во Владимире. Правительство России (далее – Правительство) было представлено г-жой В. Милинчук, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что был подвергнут жестокому избиению охранниками тюрьмы, где он отбывал наказание, и что власти не провели эффективное расследование событий.

4. 5 июля 2007 года Председатель Первой Секции принял решение известить о жалобе Правительство.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1972 году и жил до своего ареста в городе Ишим в Тюменской области. В настоящее время он отбывает наказание в виде пожизненного лишения свободы во Владимирской тюрьме ОД-1/Т-2, известной как «Владимирский Централ».

6. 17 июня 2003 года заявитель был переведен во «Владимирский Централ» для отбытия первых десяти лет пожизненного лишения свободы. Судя по всему, он был в числе 150 новых заключенных, которые прибыли во «Владимирский Централ» летом 2003 года и одним из пяти заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы. При поступлении в тюрьму заявитель был осмотрен тюремным врачом, который не обнаружили повреждений на его теле.

А. Версия сторон о событиях 11 июля 2003 года

7. В июле 2003 года по запросу и.о. начальника «Владимирского Централ» в тюрьму прибыла группа сотрудников отряда специального назначения Управления исполнения наказаний Владимирской области с целью «вывода осужденных на прогулку, санобработку и тому подобные мероприятия».

8. 11 июля 2003 года, примерно в 10.30, сотрудник отряда специального назначения г-н Л. приказал заявителю и двум другим заключенным выйти из камеры. Заявитель представил следующее описание последующих событий.

9. По словам заявителя, он выполнил приказ г-на Л., вышел в коридор, встал лицом к стене и положил руки на стену над головой, в соответствии с требованиями правил внутреннего распорядка тюрьмы. В это время в коридоре находились шесть других охранников. Г-н Л. стал бить заявителя ногами и резиновой палкой. Заявитель утверждал, что он просил объяснений, но в ответ он получил еще три удара по шее резиновой палкой. Заявитель упал на пол и г-н Л. продолжил бить его резиновой палкой по голове, спине, животу и ногам. Заявитель подполз к стене, пытаясь уклониться от ударов. Он сел у стены и старался прикрыть голову руками. Г-н Л. ударил его несколько раз, приказав ему встать и идти на прогулку. Когда заявитель отказался, г-н Л. толкнул его в камеру и забрал сокамерника заявителя, г-на Ли., для вывода на прогулку. Заявитель попросил оказать ему медицинскую помощь. Двадцать минут спустя г-н Л. снова вошел в камеру и начал бить заявителя по лицу и голове кулаками и резиновой палкой. Г-н Л. выбил заявителю передний зуб, порезав при этом палец на левой руке. Пытаясь спастись, заявитель запрыгнул на койку, где г-н Л. продолжал бить его по ногам. Г-н Л. схватил заявителя за одежду, потащил в штрафной изолятор и запер его там.

10. У заявителя кружилась голова, и он попросил вызвать врача. В штрафной изолятор пришла медсестра, и заявитель пожаловался ей, что г-н Л. избил его. Он продемонстрировал медсестре телесные повреждения и пожаловался на то, что он чувствует себя плохо. Через

полчаса г-н Л. забрал заявителя из карцера и потащил его обратно в камеру, продолжая бить и пинать его.

11. Правительство, опираясь на письменные заявления со стороны охранников, включая г-на Л., утверждает, что 11 июля 2003 года заявитель и два других заключенных оказали сопротивление охранникам, собирающимся вывести их на прогулку. В частности, заявитель схватил г-на Л. за форму, угрожал ему насилием, и пытался ударить других охранников. Расценивая поведение заявителя как противоправное, охранники ударили его несколько раз резиновыми палками, чтобы положить конец его противоправному поведению. Правительство подчеркнуло, что палки были использованы в строгом соответствии с требованиями Закона о пенитенциарных учреждениях (см. пункт 29 ниже). Удары наносились только по бедрам и ягодицам заявителя. Сила была использована в течение очень короткого периода времени (от десяти до двенадцати секунд) с намерением причинить наименьший ущерб здоровью заявителя.

В. Рапорты о применении насилия, медицинское обследование заявителя и расследование его жалоб на жестокое обращение

12. Сразу же после происшествия в тюремном журнале для учета столкновения между охранниками и заключенными и использования специальных средств (резиновых палок) в связи с насилием заключенных [тюремном журнале для учета информации о происшествиях] была сделана запись. Заявитель также был осмотрен тюремной медсестрой, которая сделала запись о синяке удлиненной формы на правой стороне поясничной области. Медсестра сделала вывод о том, что синяк размером от пятнадцати до пяти сантиметров, "не представляет опасности для жизни или здоровья". Она обработала повреждения, имевшиеся у заявителя, йодом и приложила холодный компресс.

13. В период после событий 11 июля 2003 года г-н Л. написал рапорт, в котором изложил:

«[Я] докладываю [вам], что 11 июля 2003 года в 10 часов 50 минут при выводе осужденных к пожизненному лишению свободы на прогулку ... мною, инспектором ОСН ... Л. в соответствии со статьей 30 [Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»] была применена резиновая палка в отношении осужденного [заявителя]. Резиновая палка применялась в связи с тем, что он оказывал неповиновение законным требованиям администрации, выразившимся в попытке оказать физическое сопротивление, схватившись за форму одежды. Резиновая палка применялась по нежизненно важным частям тела».

Два охранника, которые были свидетелями происшествия, написали идентичные рапорты, добавив, что заявитель не нуждался в медицинской помощи.

14. Вечером 11 июля 2003 года заявитель почувствовал сильную боль в области живота и попросил позвать врача. Выслушав жалобы заявителя на сильные головные боли, боли в животе, головокружение и рвоту, фельдшер, г-н М. осмотрел заявителя и сделал ему инъекцию аминазина, подозревая, что у заявителя сотрясение мозга. Он также дал заявителю болеутоляющее. Г-н М. отметил, что у заявителя имелись многочисленные ссадины и кровоподтеки на животе, пояснице и грудной клетке, и рекомендовал осмотр хирургом.

15. 14 июля 2003 года заявитель попросил оказать ему медицинскую помощь, жалуясь на головную боль, головокружение, рвоту, потерю аппетита и боль во время мочеиспускания. Г-жа Б., тюремный врач, специалист в области дерматологии и венерологии, осмотрела его в тот же день и обнаружила многочисленные синяки, каждый размером около десяти сантиметров в диаметре, "на туловище [заявителя], верхней части спины, [и] верхней и средней частях правого бедра", и отеки левой щеки, левого бедра и колена. Г-жа Б. отметила, что левое бедро заявителя и колено гиперемированы, и что походка Заявителя несколько изменена, он щадит левую ногу. Врач также обнаружил, что у заявителя отсутствует часть верхнего резца слева. Она не смогла, однако, установить, когда зуб был сломан, поскольку у заявителя не было повреждений слизистой оболочки губ и щек. Через два дня анализ мочи заявителя не выявил патологии, что исключило возможное повреждение почки.

16. Тем временем 14 июля 2003 года заявитель подал жалобу в прокуратуру, подробно описав события 11 июля 2003 года. Заявитель также просил, чтобы его осмотрел эксперт.

17. 30 октября 2003 года заместитель прокурора города Владимира¹ вынес одностороннее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении г-на Л. В постановлении было указано следующее:

“[Заявитель] отбывает наказание в учреждение ОД 1/Т-2 г. Владимира, приговор к пожизненному лишению свободы с отбыванием первых десяти лет на тюремном режиме.

11 июля 2003 г. при выводе осужденного [заявителя] на прогулку он оказал неповиновение требованиям сотрудников учреждения, пытался оказать физическое сопротивление, хватал за форменную одежду. При указанных обстоятельствах к [заявителю] применены спецсредства – резиновая палка. Травматических повреждений, причинивших вред здоровью, не имеется. По

¹ В постановлении имеется неточность. В действительности проверка жалобы заявителя производилась Владимирской прокуратурой за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

факту применения в отношении [заявителя] специальных средств [охранниками] составлены документы в установленной форме.

Специальные средства – резиновая палка в отношении [заявителя] применена в соответствии со ст. 30 ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

На основании изложенного и руководствуясь ч. 1 п. 1 ст. 25 УПК РФ [заместитель прокурора] постановил: в возбуждении уголовного дела по факту получения осужденным [заявителем] телесных повреждений отказать за отсутствием состава преступления”.

Постановление заместителя прокурора было основано на показаниях шести охранников, г-на К., г-на Ку., г-на А., г-на П., г-на Ко. и г-на Б., полученных 30 октября 2003 года. В частности, два охранника показали, что во время попытки вывести заключенных на прогулку 11 июля 2003 года резиновая палка была использована в отношении ряда заключенных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, в том числе заявителя, поскольку они отказались выполнять законные требования. Два охранника пояснили, что заявитель пытался оказать физическое сопротивление, «встав в стойку, готовясь нанести удар». Остальные охранники утверждали, что заявитель отказался подвергнуться личному досмотру, «отклонился от маршрута» и намеревался нанести удар.

18. 24 декабря 2003 года Фрунзенский районный суд города Владимира отменил постановление от 30 октября 2003 года и указал на необходимость проведения дополнительного расследования. Районный суд отметил, что заявитель просил прокуратуру опросить его сокамерника, г-на Ли., который был свидетелем избиения 11 июля 2003 года, фельдшера, г-на М., который осматривал заявителя в вечером 11 июля 2003 года и описал его травмы, и охранника, г-на Л., который избил заявителя. Однако прокуратура оставила просьбу заявителя без удовлетворения. Районный суд также указал, что решение от 30 октября 2003 года основано только на показаниях охранников, что прокурорское расследование было «неполным и субъективным» и что прокурор незаконно отказал в возбуждении уголовного дела на основании статьи 25 Гражданского процессуального кодекса¹, хотя данная статья предусматривает подобный отказ только в случае примирения.

19. 2 марта 2004 года заместитель прокурора города Владимира вновь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении г-на Л. В дополнение к показаниям, полученным ранее от шести охранников, заместитель прокурора положил в основу трехстраничного постановления показания г-на Л. и фельдшера, г-на М.

¹ Так в тексте постановления. На самом деле – Уголовно-процессуального кодекса.

В частности, г-н Л. сообщил заместителю прокурора, что 11 июля 2003 года он и несколько других охранников пытались вывести заявителя на ежедневную прогулку. Заявитель отказался, угрожал охранникам, включая г-на Л., и вставал в боксерскую стойку, стараясь ударить г-на Л. В ответ г-н Л. использовал резиновую палку. Он нанес заявителю удары по ягодицам и по средней части бедра. Г-н Л. настаивал на том, что он использовал только резиновую палку, он не бил заявителя ногами и не наносил ударов в голову или живот.

Фельдшер, г-н М., заявил, что он был вызван к заявителю 11 июля 2003 года примерно в 8:00 вечера. Последний жаловался на головную боль, боли в животе, тошноту и рвоту кровью. Г-н М. не видел крови. Он осмотрел заявителя и описал многочисленные ссадины и кровоподтеки. Заявителю была предоставлена медицинская помощь и была назначена консультация хирурга. Г-н М. отметил, что он не диагностировал сотрясение мозга. Он не заметил сломанный зуб.

Заместитель прокурора также опросил сокамерника заявителя, г-на Ли., который подтвердил версию событий, изложенную заявителем. Однако заместитель прокурора не поверил показаниям г-на Ли., поскольку «они подтверждаются лишь показаниями заявителя и опровергаются материалами проверки».

20. Заявитель обжаловал в суд постановление от 2 марта 2004 года.

21. 1 апреля 2004 года Фрунзенский районный суд города Владимира отменил решение заместителя прокурора и обязал провести дополнительную проверку. Районный суд отметил, что заместитель прокурора не опросил заявителя или медсестру, которая осмотрела его после избиений, и не проанализировал показания, данные г-ном Л. и г-ном М., хотя эти лица дали противоречивые объяснения относительно «локализации и характера повреждений», нанесенных заявителю.

22. 19 апреля 2004 года заместитель прокурора прокуратуры города Владимира отклонил жалобу заявителя, указав, что действия г-на Л. были законными. В дополнение к объяснениям г-на Л., охранников и фельдшера, г-на М., изложенных в постановлении от 2 марта 2004 года, заместитель прокурора положил в основу постановления медицинские записи от 11 июля 2003 года, сделанные медсестрой, и объяснения врача, г-жи Б., которая осматривала заявителя 14 июля 2003 года. Г-жа Б. подтвердила ее выводы, сделанные в медицинском заключении от 14 июля 2003 года

Опираясь на медицинские записи и объяснения г-жи Б., заместитель прокурора счел, что заявитель мог получить эти повреждения до или после событий 11 июля 2003 года. Кроме того, заместитель прокурора указал, что утверждения заявителя о сломанном зубе были ложными, потому что «отсутствовала часть верхнего резца, а не зуба», и его губы и щеки не были повреждены.

23. Заявитель обратился в суд с жалобой на постановление от 19 апреля 2004 года.

24. 13 мая 2004 года Фрунзенский районный суд отклонил жалобу заявителя, указав, что резиновая палка была использована законно в ответ на поведение заявителя и что в действиях г-на Л. не имеется признаков преступления.

25. Заявитель не согласился с данным постановлением и подал жалобу во Владимирский областной суд.

26. 17 сентября 2004 года Владимирский областной суд, поддержав доводы, приведенные районным судом, определил, что прокуратура завершила проверку жалобы заявителя на жестокое обращение и вынесла законное постановление. Областной суд оставил в силе решение от 13 мая 2004 года.

II. РЕЛЕВАНТНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Применение силы и специальных мер в местах лишения свободы

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ (№ 1-ФЗ от 8 января 1997)

27. Физическая сила, специальные средства или оружие могут быть использованы против заключенных в случаях оказания сопротивления персоналу, злостного неповиновения их законным требованиям, проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий, побеге из исправительного учреждения или попытке причинить вред себе или другим лицам (Статья 86 часть 1). Порядок применения данных мер безопасности определяется законодательством Российской Федерации (статья 86 часть 2).

2. Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (№ 5473-1 от 21 июля 1993)

28. При применении физической силы, специальных средств или оружия сотрудники уголовно-исполнительной системы обязаны:

1) предупредить о намерении их использования, предоставив достаточно времени для выполнения своих требований, за исключением тех случаев, когда промедление создает непосредственную опасность жизни или здоровью персонала или заключенных;

2) обеспечить наименьшее причинение вреда заключенным и предоставление медицинской помощи;

3) доложить непосредственным начальникам о каждом случае применения физической силы, специальных средств и оружия (статья 28).

29. Резиновая палка применяется

(1) для отражения нападения на работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, заключенных или граждан;

(2) для пресечения массовых беспорядков, групповых нарушений общественного порядка заключенными, а также задержания правонарушителей, оказывающих злостное неповиновение или сопротивление персоналу (статья 30).

В. Расследование преступлений

29. Уголовно-процессуальный кодекс в России (вступил в силу с 1 июля 2002 года, "УПК") устанавливает, что уголовное дело может быть возбуждено следователем или прокурором по жалобе лица или по собственной инициативе следственных органов, в случае, если имеются основания полагать, что преступление было совершено (статьи 146 и 147). Прокурор ответственен за общий надзор за расследованием (статья 37). Он может давать указание о проведении конкретных следственных действий, передавать дело от одного следователя другому или давать указание о проведении дополнительного расследования. Если основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют, прокурор или следователь выносят мотивированное постановление, которое должно быть доведено до сведения заинтересованной стороны. Постановление может быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд общей юрисдикции в порядке, установленном статьей 125 УПК (статья 148). Статья 125 УПК предусматривает судебную проверку тех постановлений следователей и прокуроров, которые могут ограничивать конституционные права участников уголовного судопроизводства или препятствуют доступу к правосудию.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

30. Заявитель жаловался, что 11 июля 2003 года он был подвергнут избиениям в нарушение статьи 3 Конвенции, и что власти не провели

быстрого и эффективного расследования этого происшествия. Суд рассмотрит эту жалобу с точки зрения обязательств государства по статье 3, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

31. Правительство утверждало, что медицинские документы, составленные 11 и 14 июля 2003 года, в которых были описаны травмы заявителя, полностью опровергают версию событий заявителя. Оно подчеркнуло, что использование резиновой палки в случае заявителя было законным и обоснованным. Следовательно, ее использование не подпадает под понятие «жестокое обращение», запрещенное статьей 3 Конвенции. Правительство настаивало на том, что применение силы в отношении заявителя не достигло минимального уровня жестокости, предусмотренного статьей 3 Конвенции, поскольку травмы, причиненные ему, не повлекли «серьезных последствий и не причинили кратковременного расстройства здоровья». Кроме того, Правительство отметило, что, используя резиновую палку, охранник не намеревался оскорбить или унижить заявителя или причинить ему физические или психологические страдания. Применение силы представляло собой адекватный и законный ответ на неповиновение заявителя, не выполнявшего законные требования охранников. Охранники действовали в рамках своих служебных полномочий и преследовали законные цели. По мнению Правительства, тот факт, что медицинский персонал, который осмотрел заявителя 11 и 14 июля 2003 года, установил, что после происшествия поведение заявителя было «адекватным», продемонстрировал, что он не страдал от психологической травмы, которая обычно сопровождает бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

32. В своих последующих замечаниях Правительство подчеркнуло, что, применяя силу в отношении заявителя, охранники не намеревались наказать его за подачу многочисленных жалоб в различные государственные органы. Сила была применена в конкретной ситуации, в связи с агрессивным поведением заявителя в отношении охранников. Поскольку серьезного вреда здоровью заявителя причинено не было, он продолжил отбывать наказание, выходясь на ежедневную полуторачасовую прогулку, и так далее. Он не предъявлял каких-либо жалоб на состояние своего здоровья. Цитируя прецедент Суда, устанавливающего необходимый стандарт расследования заявлений о жестоком обращении, Правительство пришло к выводу, что расследование событий от 11 июля 2003

соответствовало принципам, сформулированным в прецедентной практике Суда.

33. Заявитель в ответ указал, что жестокое обращение, которому он подвергся со стороны сотрудника отряда специального назначения «Мономах» г-на Л., было особенно жестоким и преследовало цель наказать его за жалобы на условия содержания в тюрьме. Заявитель подчеркнул, что официальная версия, согласно которой он намеревался напасть на охранников, не была проанализирована. В частности, если бы версия Правительства о произошедшем была правдивой и он действительно пытался применить насилие в отношении охранников, его действия являлись бы преступлением, и он должен был быть привлечен, как минимум, к дисциплинарной ответственности. Однако обвинений ему никогда не предъявляли. Кроме того, описывая события 11 июля 2003 года, охранники в своих объяснениях от 30 октября 2003 года дали противоречивое описание. Несколько охранников упомянули лишь его попытку нанести удар, «вставая в боксерскую стойку». Другие отметили его якобы имевший отказ от проведения личного досмотра или его попытки «отклониться от маршрута». В то же время, первоначальные рапорты, составленные немедленно после избиения, давали совершенно иное описание, утверждая, что заявитель применил силу, хватая охранника за форменную одежду. Кроме того, версия о том, что он «отклонялся от маршрута», была полностью необоснованной, поскольку избиение имело место перед камерой заявителя в ответ на его отказ пойти на прогулку.

34. Заявитель также подчеркнул, что количество и расположение повреждений имевшихся у него противоречит официальной версии о том, что удары наносились только по бедрам и ягодицам. Медицинское освидетельствование показало, что у него имелись многочисленные повреждения на животе, поясничной области, левой щеке, левом колене и спине. Также его зуб был сломан. Заявитель отметил, что несмотря на объяснения охранников о том, что они били его по ягодицам, никаких повреждений на этой части его тела обнаружено не было. Кроме того, он оспорил достоверность рапортов охранников, составленных 11 июля 2003 года. Он также утверждал, что описывая множественные повреждения на его теле, тюремные врачи отказались записывать все его повреждения, ограничившись лишь наиболее крупными синяками на его теле. Кроме того, хотя имелись доказательства того, что удары ему наносились, помимо прочего, по голове (его левая щека была опухшей и часть его зуба отсутствовала), не было проведено специальных медицинских обследований для того, чтобы подтвердить или опровергнуть его утверждения.

35. Заявитель обратил внимание Суда на официальный статус г-на Л. Он подчеркнул, что г-н Л. был сотрудником отряда специального назначения, который обычно вызывается в места лишения свободы для восстановления порядка путем демонстративного избиения заключенных. Члены этого отряда проходят специальную подготовку и обучаются боевым единоборствам. Длительность и интенсивность избиения, которому был подвергнут заявитель, демонстрирует успешную подготовку г-на Л.

36. Наконец, заявитель обратил внимание на качество расследования, проведенного прокуратурой в связи с его жалобами на жестокое обращение. Он утверждал, что расследование было проведено наспех в попытке оправдать действия сотрудников тюрьмы. Непроведение допросов свидетелей, непроведение выемки одежды заявителя и г-на Л. и непроведение ее осмотра, непроведение осмотра места преступления, неназначение судебно-медицинской экспертизы заявителя и непроведение очных ставок между заявителем и охранниками были в числе самых грубых ошибок, допущенных органом следствия. Заявитель сделал вывод о том, что проверка сама по себе, в отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела, очень ограничила полномочия прокуратуры, делая невозможным проведение эффективного расследования событий. Заявитель пояснил, что Российский Уголовно-процессуальный кодекс не позволяет проведение ряда важных следственных действий до того, как будет возбуждено уголовное дело. Более того, до возбуждения уголовного дела потерпевший практически не обладает какими-либо правами.

В. Заключение Суда

1. Приемлемость

37. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции и неприемлемой по любым другим основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

(i) Относительно сферы применения статьи 3

38. Как неоднократно указывал Суд, статья 3 закрепляет одну из самых фундаментальных ценностей демократических обществ. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких, как борьба с терроризмом и

организованной преступностью, Конвенция запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения жертвы (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV, и *Chahal v. the United Kingdom*, 15 November 1996, § 79, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-V). Статья 3 не допускает каких-либо исключений, какие-либо оговорки согласно статье 15 § 2 Конвенции не допустимы даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 95, ECHR 1999-V, и *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 октября 1998, § 93, *Reports* 1998-VIII).

39. Суд неоднократно подчеркивал, что страдания и унижения должны в любом случае превышать неизбежный элемент страдания или унижения, связанного с той или иной формой законного обращения или наказания. Лишение лица свободы часто может включать в себя подобный элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции Государство-ответчик должно обеспечить то, чтобы лица, содержащиеся под стражей в условиях, совместимых с уважением к человеческому достоинству, и чтобы формы и методы реализации такой не подвергали лицо таким страданиям или лишениям, которые превышают неизбежный уровень страданий, вытекающих из самого факта содержания под стражей (см. *Kudla v. Poland* [GC], no. 30210/96, §§ 92-94, ECHR 2000-XI).

40. В отношении заключенных, Суд подчеркнул, что содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении, и что власти обязаны защищать их физическое благополучие (см. *Tarariyeva v. Russia*, no. 4353/03, § 73, ECHR 2006-... (извлечения); *Sarban v. Moldova*, no. 3456/05, § 77, 4 октября 2005; и *Mouisel v. France*, no. 67263/01, § 40, ECHR 2002-IX). В отношении лица, лишённого свободы, любое применение физической силы, которая не была строго необходимо как результат его собственного поведения, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, закреплённого в статье 3 Конвенции (см. *Sheydayev v. Russia*, no. 65859/01, § 59, 7 декабря 2006; *Ribitsch v. Austria*, 4 December 1995, § 38, Series A no. 336; и *Krastanov v. Bulgaria*, no. 50222/99, § 53, 30 сентября 2004).

(ii) Относительно установления фактов

41. Суд повторяет, что заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. При оценке доказательств, суд обычно применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25). Однако такая доказанность может вытекать из существования достаточно веских, не вызывающих сомнений и

согласующихся выводов или из подобной неопровержимой презумпции факта.

Когда рассматриваемые события полностью или в значительной степени находятся в исключительном ведении властей, как, например, в случае, когда лица содержатся под стражей под их контролем, сильная презумпция действует в отношении повреждений, полученных во время такого содержания под стражей. Более того, бремя доказывания может расцениваться как возложение на власти предоставить надлежащее и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

42. В случае, если имело место разбирательство на национальном уровне, в задачу Суда не входит замена оценки фактов, данной национальными судами, своей собственной оценкой, и, как общее правило, эти суды и дают оценку доказательств (см. *Клаас против Германия*, 22 сентября 1993 года, § 29, Серия А, no. 269). Хотя Суд не связан выводами национальных судов, в обычных условиях требуется убедительные факторы, чтобы не принимать факты, установленные этими судами (см. *Matko v. Slovenia*, no. 43393/98, § 100, 2 November 2006). В случае, если утверждается, что была нарушена статья 3 Конвенции, Суд, однако, должен применять особо тщательный контроль (см., *mutatis mutandis*, указанное выше *Ribitsch*, § 32).

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

(i) Установление фактов и оценка жестокости плохого обращения

43. Рассмотрев доводы сторон и все материалы, представленные ими, Суд считает установленным, что 17 июня 2003 года, по прибытии заявителя во «Владимирский Централ», тюремный врач осмотрел его и не обнаружил каких-либо повреждений на его теле. 11 июля 2003 года, сразу же после предполагаемого столкновения между сотрудником отряда специального назначения, г-на Л., и заявителем, тюремная медсестра описала синяк удлиненной формы, пятнадцать сантиметров в длину и пять сантиметров в ширину, на бедре заявителя. Позже в тот же день фельдшер, которого позвали осмотреть заявителя, описал ссадины и кровоподтеки на животе, пояснице и груди. 14 июля 2003 года, в результате еще одного медицинского осмотра тюремным врачом, была сделана еще одна запись, описывающая многочисленные повреждения, приблизительно десять сантиметров в диаметре, на туловище заявителя, верхней части спины и верхней и средней части правого бедра. Кроме того, тюремный врач отметил отек на левой щеке заявителя, на его бедре и колене, а также сломанный левый верхний резец (см. параграфы 6, 12, 14 и 15 выше).

44. Суд отмечает, что сторонами не оспаривается тот факт, что травмы заявителя, как показали медицинские заключения, были

получены в тюрьме «Владимирский Централ». В ответ на результаты медицинских заключений Правительство, признавая то, что заявителя несколько раз ударили резиновой палкой по ягодицам и бедрам, умолчало о происхождении остальных травм, обнаруженных на его теле во время медицинских осмотров от 11 и 14 июля 2003 года. Суд отмечает, что он был готов выслушать предоставленное Правительством правдоподобное объяснение того, как заявитель получил многочисленные повреждения на груди, верхней части спины, животе, коленях и лице, и представленные, например, свидетельские показания и другие доказательства, подтверждающие эту версию. Правительство, однако, не представило какую-либо версию того, каким образом заявителю были причинены повреждения в придачу к тем, которые были обнаружены на его бедрах. Кроме того, хотя эффективность расследования жестокого обращения в связи с жалобами заявителя на жестокое обращение будет рассмотрена ниже, Суд уже в данный момент хотел бы подчеркнуть, что он поражен тем обстоятельством, что, несмотря на серьезность утверждений заявителя, следственный орган также не дал каких-либо объяснений относительно природы большинства повреждений имевшихся у заявителя, отказывая при этом в возбуждении уголовного дела в отношении охранников. Видимо, следователям не приходило в голову, что наличие у заявителя телесных повреждений должно быть объяснено.

45. В этой связи Суд придает особое значение тому факту, что Правительство не утверждает, что повреждения заявителю были причинены до или после событий от 11 июля 2003 года. Кроме того, Суд отмечает, что характер и локализация травм на теле заявителя, описанных в медицинских заключениях от 11 и 14 июля 2003 года плохо согласуются с утверждениями Правительства о том, что сотрудник Л. наносил удары только по ягодицам и бедрам заявителя и использовал для этой цели только резиновую палку. В частности, Суд не упускает из виду обнаружение медсестрой синяка удлиненной формы, размером пятнадцать на пять сантиметров, на правой стороне поясничной области заявителя. Локализация этих кожных повреждений, отражающих форму резиновой палки, подтверждает довод заявителя о том, что г-н Л. не ограничивался ударами по его бедрам и ягодицам. Кроме того, врач, который осмотрел заявителя 14 июля 2003 года, обнаружил многочисленные круглые синяки размером примерно десять сантиметров в диаметре на различных частях его тела. Суд отмечает, что это описание соответствует физическим последствиям от ударов кулаком или носком ботинка, а не повреждениям, полученным в результате избивания резиновой палкой, таким образом, подтверждающим версию заявителя о том, что кроме ударов палкой, г-н Л. бил его кулаками и ногами.

46. При таких обстоятельствах, принимая во внимание обязанность властей объяснить происхождение повреждений, причиненных лицам, находящимся под их контролем под стражей, и в отсутствие убедительного и правдоподобного объяснения от Правительства в данном деле, Суд считает, что он может сделать выводы из поведения Правительства и считает установленным, согласно стандарту доказывания, обязательным в ходе разбирательства на основании Конвенции, что повреждения, причиненные заявителю, были результатом обращения, которому он подвергся со стороны сотрудника Л. в тюрьме и за которые, соответственно, Правительство несет ответственность (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 88, ECHR 1999-V; *Mehmet Emin Yüksel v. Turkey*, no. 40154/98, § 30, 20 июля 2004; указанное выше *Mikheyev*, §§ 104-105; и *Dedovskiy and Others v. Russia*, no. 7178/03, §§ 78-79, 15 мая 2008).

47. На этом фоне, учитывая серьезный характер повреждений заявителя, на Правительство ложится бремя приведения убедительных аргументов в пользу того, что применение силы не было чрезмерным (см. *Zelilof v. Greece*, no. 17060/03, § 47, 24 мая 2007).

48. Суд отмечает, что точные обстоятельства применения силы в отношении заявителя оспариваются сторонами и являются предметом несколько противоречивых оценок прокуратуры и судебных органов. Заявитель утверждал, что сотрудник Л. приступил к избиению немедленно после того, как он вышел из камеры для прогулки. Он дал подробный отчет о событиях, которые предположительно имели место 11 июля 2003 года, описывая цепь событий, с указанием времени, места и продолжительности избиений, называя предполагаемого преступника и методы, используемые им. Правительство, ссылаясь на письменные объяснения сотрудников Л. и охранников, которые были свидетелями событий 11 июля 2003 года, оспорило описание событий заявителя, настаивая на том, что применение силы было строго соразмерно и необходимо, поскольку заявитель схватил надзирателей за их одежду, угрожал им применением насилия и пытался ударить их. Правительство утверждало, что насилие в отношении заявителя были применено сотрудником в исполнение своих обязанностей в полном соответствии с внутренними требованиями законодательства.

49. Суд отмечает аргумент Правительства о том, что сила была применена законно в ответ на буйное поведение заявителя. Он помнит о потенциальной угрозе насилия, которая существует в пенитенциарных учреждениях, и то, что непослушание заключенных может быстро перерасти в массовые беспорядки (см. *Gömi and Others v. Turkey*, no. 35962/97, § 77, 21 декабря 2006). Суд признает, что применение силы может быть необходимо в случае обеспечения тюремной безопасности, для поддержания порядка или предотвращения преступлений в пенитенциарных учреждениях. Тем

не менее, как отмечалось выше, подобное применение силы может быть использовано только если это необходимо, и не должно быть чрезмерным (см. *Ivan Vasilev v. Bulgaria*, no. 48130/99, § 63, 12 апреля 2007, с дальнейшими ссылками). Применение физической силы, которая не была строго необходимой в силу собственного поведения заключенного, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, закрепленного статьей 3 Конвенции.

50. В настоящем деле Суд не убеждает предоставленное Правительством описание поведения заявителя ввиду очень путанных и противоречивых версий событий, представленными сотрудником Л. и охранниками (см. пункты 13, 17 и 19 выше). Однако, даже исходя из предположения, что описание Правительством обстоятельств применения силы к заявителю является более точным, суд не усматривает какой-либо необходимости, которая могла бы повлечь применение резиновой палки или насилия в такой степени, которая подтверждается материалами дела, в отношении заявителя (см. пункт 46 выше). Напротив, действия сотрудника Л. были явно несоразмерны предполагаемым проступкам заявителя и явно не соответствовали целям, которые он стремится достичь. Таким образом, из утверждений Правительства следует, что, выйдя в коридор, заявитель отказался идти на прогулку и попытался ударить охранников, встав в боксерскую стойку, угрожая и хватая их за одежду. Суд признает, что при таких обстоятельствах сотрудники могли иметь необходимость прибегнуть к физической силе, чтобы положить конец буйному поведению заявителя. Однако, Суд не убежден, что избиение заключенного палкой или неоднократные удары его ногой способствовали достижению желаемого результата.

51. Кроме того, Суд отмечает, что заявитель не был избит в ходе случайных действий, которые могли бы привести к неожиданному развитию событий, на которые охранники были бы обязаны реагировать без предварительной подготовки. Правительство не отрицает, что сотрудники отряда специального назначения и охранники, включая тех, кто участвовал в происшествии 11 июля 2003 года, получили необходимую подготовку и были хорошо экипированы для того, чтобы иметь дело с поведением такого рода, которое якобы продемонстрировал заявитель. Из утверждений сторон также с очевидностью следует, что была вовлечена группа сотрудников и охранников и что они явно численно превосходили заявителя. Таким образом, Суд отклоняет аргумент правительства о том, что использование дубинок, а также других форм насилия, было неизбежным.

52. Кроме того, особое беспокойство у Суда вызывает тот факт, что серии ударов руками и ногами были ответом на поведение заявителя. По мнению Суда, степень применения силы в отношении заявителя

показывает, что это было именно формой репрессии или телесного наказания. Этот вывод подтверждается доводом Правительства о том, что удары палкой наносились по ягодицам заявителя, – очень неправдоподобно, если сила была использована лишь для предотвращения нападения на охранников. Карательный характер использования дубинок еще более заметен в этой ситуации. Такое психическое и физическое посягательство имело целью унижить заявителя, оскорбить его и сделать покорным, подавить его, сдержать инакомыслие и восстановить авторитет охранников.

53. Что касается тяжести актов жестокого обращения, то при определении того, должна ли та или иная форма жестокого обращения рассматриваться как пытка, следует учитывать различие, сформулированное в статье 3, между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Суд уже отмечал в предыдущих делах, что намерение заключалось в том, что Конвенция должна посредством указанного различия заклеить умышленное бесчеловечное обращение, причиняющее очень сильные и жестокие страдания. Помимо жестокости обращения существует также такой признак как наличие определенной цели, который определяет пытку как умышленное причинение сильной боли или страданий с целью, *inter alia*, получения информации, наказания или унижения (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 114, ECHR 2000-VII). Согласно последовательному подходу Суда, обращение рассматривается как «бесчеловечное», если оно умышленно применяется в течение нескольких часов подряд и причиняет либо телесные повреждения, либо сильные физические или моральные страдания. Обращение считается «унижающим достоинство», если оно является таковым, что пробуждало в жертве чувство страха, тревоги и неполноценности, способные унижить или оскорбить ее (см. *Kudta*, cited above, § 92). Вопрос о том, имелась ли цель унижить или оскорбить жертву, является фактором, принимаемым во внимание, но отсутствие такой цели не может окончательно исключить нарушение статьи 3 (см., например, *Peers v. Greece*, no. 28524/95, § 74, ECHR 2001-III, и *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 101, ECHR 2002-VI).

54. Как указывалось выше, использование резиновых дубинок и насилия в отношении заявителя носило репрессивный характер. Оно не способствовало достижения целей, к которым охранники стремились. Насилие, к которому сотрудник сознательно прибег, должно было вызвать у заявителя чувство страха и униженности, и сломить его физическое и моральное сопротивление. Цель подобного обращения заключалась в том, чтобы унижить заявителя и сделать его покорным. Кроме того, Суд считает, что использование насилия, которому был подвергнут заявитель, должно было повлечь

психические и физические страдания, даже если это, возможно, и не причинило какого-либо долговременного вреда его здоровью.

55. Соответственно, с учетом характера и степени телесных повреждений заявителя, Суд приходит к выводу о том, что Государство-ответчик несет ответственность в соответствии со статьей 3 за бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, которому подвергся заявитель в тюрьме 11 июля 2003 года и что, таким образом, имеет место нарушение указанной статьи.

(ii) *Предполагаемая неэффективность расследования*

56. Суд повторяет, что, когда человек обоснованно заявляет о том, что он подвергся жестокому обращению в нарушение статьи 3, то это положение, в сочетании с общей обязанностью государств по статье 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные в Конвенции» косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Обязательства провести расследование "не является обязанностью по достижению результата, а обязанностью принять меры": не каждое расследование должно обязательно быть успешным или прийти к выводу, который совпадает с точкой зрения заявителя, однако оно должно быть в принципе способно привести к установлению фактов по делу и, если обвинения подтвердятся, к определению и наказанию виновных. Таким образом, расследование указанных заявлений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти должны всегда предпринимать серьезную попытку выяснить, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования или как основание решения. Власти должны принять все разумные меры, имеющихся в их распоряжении, для закрепления доказательств по делу, включающие, *inter alia*, свидетельские показания, вещественные доказательства, и так далее. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину повреждений или установления личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта (см. среди многих источников, указанное выше *Mikheyev*, § 107 et seq., и *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 октября 1998, *Reports* 1998-VIII, § 102 et seq.).

57. На основании доказательств, представленных в настоящем деле, Суд установил, что Государство-ответчик несет ответственность в соответствии со статьей 3 за жестокое обращение с заявителем (см. пункт 56 выше). Поэтому жалоба заявителя в этом отношении является «небезосновательной». Таким образом, власти обязаны провести эффективное расследование обстоятельств, при которых заявитель получил повреждения (см. *Krastanov v. Bulgaria*, no. 50222/99, § 58, 30 сентября 2004).

58. В этой связи, Суд отмечает, что правоохранительные органы, которые были поставлены в известность об избиении заявителя, провели предварительную проверку¹, которая не повлекла возбуждения уголовного дела в отношении виновных в избиении. По мнению Суда, следовательно, заслуживает внимания вопрос не о том, была ли проверка вообще, так как стороны не оспаривали то, что она была, а вопрос о том, была ли проверка проведена тщательно, были ли власти готовы выявлять и привлекать к ответственности виновных и, соответственно, было ли «расследование» "эффективным".

59. Суд повторяет, что заявитель полностью зависел от прокурора в плане сбора доказательств, необходимых для подтверждения его жалобы. Прокурор обладал правовыми полномочиями для опроса охранников, вызова свидетелей, посещения места происшествия, сбора вещественных доказательств и принятия всех других важных мер в целях установления правдивости рассказа заявителя. Его роль была решающей не только в привлечении виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности, но также в предоставлении заявителю возможности использовать другие средства правовой защиты для возмещения причиненного ему вреда (см. пункт 30 выше).

60. Поэтому сначала Суд оценит быстроту прокурорской проверки, рассматривая ее в качестве критерия оценки стремления властей привлечь к ответственности лиц, виновных в жестоком обращении с заявителем (см. указанное выше *Selmouni*, §§ 78 и 79). В настоящем деле заявитель подал жалобу на жестокое обращение во Владимирскую городскую прокуратуру 14 июля 2003 года. Хотя стороны не указывают дату, когда заместитель прокурора принял официальное решение начать расследование по жалобе заявителя, представляется, что какие-либо следственные действия не предпринимались до 30 октября 2003 года, когда заместитель прокурора опросил шесть охранников (см. пункт 17 выше). В тот же день он вынес свое первое постановление об оставлении без удовлетворения жалобы заявителя на жестокое обращение. В этой связи Суд считает поразительным тот факт, что в течение более трех месяцев с 14 июля по 30 октября 2003 года, то есть за период, которые следует непосредственно за происшествием, и который обычно является наиболее важным для установления истины в подобных случаях, отсутствовало какое-либо движение в расследовании (см. схожее обоснование в *Vladimir Fedorov v. Russia*, no. 19223/04, § 69, 30

¹ Судом в постановлении используется термин «investigation» - расследование. Между тем, с точки зрения российского законодательства расследование производится лишь после возбуждения уголовного дела. По заявлениям же заявителя уголовное дело не возбуждалось, а была проведена лишь так называемая «проверка». Поэтому здесь и далее термин «investigation» переводится как «проверка».

июля 2009, и *Maksimov v. Russia*, no. 43233/02, § 87, 18 марта 2010). Правительство не представило каких-либо объяснений проволочек в проведении расследования. По мнению Суда, запоздалое начало расследования привело к потере драгоценного времени, что не могло не оказать негативное влияние на успех проверки (см. *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 114, 26 января 2006).

61. Кроме того, в отношении тщательности проверки, Суд отмечает несколько недостатков, способных подорвать ее надежность и эффективность. Во-первых, не были тщательно определены количество и характер телесных повреждений у заявителя. Суд находит необъяснимым тот факт, что судебно-медицинскому эксперту не был поручен осмотр заявителя. Суд напоминает, что надлежащий медицинский осмотр является существенной гарантией против жестокого обращения. Эксперт должен обладать формальной и фактической независимостью, пройти специальную подготовку и должен быть наделен полномочиями, которые являются достаточно широкими по своему охвату (см. *Akkoç v. Turkey*, nos. 22947/93 и 22948/93, § 55 и § 118, ECHR 2000-X). Когда врач составляет отчет после медицинского освидетельствования лица, которое утверждает о том, что подверглось жестокому обращению, чрезвычайно важно, чтобы он точно определил степень соответствия описанию жестокого обращения. Заключение с указанием степени соответствия описания предполагаемого жестокого обращения должно быть основано на обсуждении других возможных диагнозов (повреждений, не связанных с жестоким обращением, в том числе самоповреждений и болезней) (см. *Barabanshchikov v. Russia*, no. 36220/02, § 59, 8 января 2009).

62. В настоящем деле этого сделано не было. И медицинский осмотр заявителя тюремной медсестрой или фельдшером 11 июля 2003 года, и его осмотр тюремным врачом 14 июля 2003 года не обеспечили соблюдение вышеуказанных требований. Единственная цель этих осмотров заключалась в реагировании на жалобы заявителя на состояние здоровья. Медицинские специалисты, осмотревшие заявителя, не были подготовлены для того, чтобы определить природу повреждений, имевшихся у заявителя, и их происхождение или даже для определения периода времени, когда они возникли. Кроме того, Суд не убежден, что тюремный медицинский персонал обладает необходимой степенью независимости от властей, причастных к жестокому обращению с заявителем. В этой связи Суд с озабоченностью отмечает, что отсутствие заключения эксперта привело, помимо прочего, к утрате возможности сбора доказательств жестокого обращения.

63. Суд также находит странным то, что вынося постановление от 30 октября 2003 года заместитель прокурора не сделал каких-либо ссылок на записи о медицинских осмотрах заявителя и просто отказал

в жалобе заявителя, ссылаясь на отсутствие состава преступления в действиях сотрудника (см. пункт 17 выше). Так было до 2 марта 2004 года, когда заместитель прокурора сослался в своем постановлении на объяснения фельдшера М., который осматривал заявителя от 11 июля 2003 года. Медицинские документы, составленные 11 и 14 июля 2003 года, и объяснения врача Б. впервые появились в постановлении от 19 апреля 2004 года. Однако, заместитель прокурора ограничился простым повторением [медицинских] документов и объяснений медицинских специалистов (см. пункт 19 выше) и не предпринял попытку оценить медицинские свидетельства или сделать выводы на их основе. В этой связи Суд обеспокоен тем, что на отсутствие каких-либо "объективных" доказательств преступного поведения – которые могли бы быть предоставлены отчетами врачей или экспертов – впоследствии заместитель прокурора сослался как на основание для своего решения об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудника. Кроме того, Суд считает странным, что в отсутствие каких-либо доказательств, таких, как результаты медицинских экспертов по этому вопросу, заместитель прокурора сделал вывод о том, что заявитель получил травмы до или после происшествия от 11 июля 2003 года (см. пункт 22 выше).

64. Во-вторых, Суд отмечает выборочный и отчасти непоследовательный подход к оценке доказательств, следственными органами. Из постановления, представленного в Суд, следует, что прокуратура основывала свои выводы преимущественно на объяснениях, данных охранниками, причастными к происшествию. Право заявителя на эффективное участие в расследовании не было обеспечено. Как следует из постановления заместителя прокурора, он заслушал заявителя лично спустя какое-то время после 1 апреля 2004 года, когда Фрунзенский районный суд отменил постановление от 2 марта 2004 года. В любом случае, хотя выдержки из жалобы заявителя были включены прокуратурой в первое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, прокуратура не рассматривала объяснения заявителя как заслуживающие доверия, так как, по-видимому, они отражали его личное мнение и представляли собой обвинительную тактику заявителя. Тем не менее, следователь сослался на объяснения охранников как заслуживающие доверия, несмотря на то, что их объяснения могли представлять собой защитительную тактику, могли быть продиктованы корпоративной солидарностью и могли быть направлены на подрыв доверия к заявителю. На взгляд Суда, прокуратура в ходе проверки применяла различные стандарты при оценке объяснений – субъективными были сочтены объяснения заявителя или его сокамерника г-н Ли., но не те объяснения, которые были даны охранниками. Достоверность объяснений последних также должна быть подвергнута сомнению, а расследование должно было

установить, должны ли охранники быть привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности (см. *Ognyanova and Choban v. Bulgaria*, no. 46317/99, § 99, 23 февраля 2006).

65. Далее Суд отмечает, что до 2 марта 2004 года, то есть только после прямого указания районного суда на этот счет, следственные органы не приобщали к материалам дела объяснения сокамерника заявителя, Ли. Хотя, из объяснений охранников следует, что другие заключенные выводились на прогулку в то же время, что и заявитель, и, следовательно, могли быть свидетелями происшествия, не были приняты меры для установления этих возможных свидетелей. Хотя следственным органам могли быть не предоставлены имена лиц, которые могли видеть заявителя и могли быть свидетелями его предполагаемого избиения, следственные органы должны были по своей собственной инициативе принять меры для установления возможных очевидцев. Также следственные органы оставили без ответа довод заявителя о том, что офицер Л. повредил руку, когда он сломал заявителю зуб. Более того, судя по всему, следственные органы не предприняли необходимых мер для осмотра помещений, где заявитель предположительно подвергся жестокому обращению. Таким образом, Суд приходит к выводу, что отказ следственных органов от поиска подтверждающих [позицию заявителя] доказательств и их почтительное отношение к охранникам должны быть расценены как особенно серьезный недостаток в ходе расследования (см. *Aydın v. Turkey*, 25 сентября 1997, *Reports* 1997-VI, § 106).

66. В итоге, Суд считает, что следственные органы не предприняли какой-либо серьезной попытки привлечь к ответственности лиц, виновных в жестоком обращении. Пассивность, проявленная властями в ответ на утверждения заявителя, была несовместима с их процедурными обязательствами по статье 3 Конвенции. Кроме того, представляется, что реакция следственных органов на жалобы заявителя о жестоком обращении являлась не более чем попыткой найти оправдание для действий сотрудника Л.

67. Принимая во внимание вышеупомянутые недостатки российских властей, Суд считает, что расследование в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении не было тщательным, адекватным или эффективными. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процедурном аспекте.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

68. Суд рассмотрел другие жалобы, представленные заявителем. Однако, принимая во внимание все находящиеся в его распоряжении материалы, и в той мере, эти жалобы относятся к компетенции Суда, он считает, что отсутствуют какие-либо признаки нарушения прав и

свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 § § 3 и 4 Конвенции как явно необоснованная.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

70. Заявитель требовал 20,000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

71. Правительство утверждало, что требование заявителя завышены и противоречат прецедентной практике Суда.

72. Суд отмечает, что в настоящем деле он пришел к выводу об особо тяжком нарушении в настоящем деле. Суд принимает тот факт, что в результате жестокого обращения заявитель страдал от унижения и боли. Кроме того, не было проведено адекватное и эффективное расследование по его жалобам на жестокое обращение. При таких обстоятельствах, Суд считает, что страдания и фрустрация заявителя не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушения. Принимая решение на справедливой основе, Суд присуждает заявителю всю требуемую им сумму, плюс сумму любого налога, которым она может облагаться.

B. Судебные расходы и издержки

73. Заявитель, ссылаясь на соглашение со своими адвокатами, также потребовал 5,000 евро в счет компенсации затрат, понесенных в ходе разбирательства в Суде.

74. Правительство утверждало, что заявитель не представил какие-либо документы в подтверждение своих требований. Далее оно утверждало, что в любом случае издержки не были необходимыми и их размер был неразумным.

75. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов только в той мере, насколько будет продемонстрировано, что они действительно имели место и были необходимы и размер их является разумным. Суд отмечает, что в январе 2008 года заявитель выдал

адвокатам г-ну Ф. Багрянскому, г-ну М. Овчинникову и г-ну А. Михайлову доверенности на представительство его интересов в ходе разбирательства в Европейском Суде по правам человека. Адвокаты действовали в качестве представителей заявителя, начиная с коммуникации дела Государству-ответчику. Исходя из того, что представленные заявителем состязательные бумаги были объемными и подробными, в его интересах был проделан большой объем работы. Исходя из имеющейся у него информации, Суд считает требуемую сумму разумной. Следовательно, Суд присуждает заявителю 5,000 евро в счет компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Суде плюс любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на заявителя в связи с этой суммой.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

76. Суд считает целесообразным, что неустойка должна основываться на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу относительно жестокого обращения с заявителем в тюрьме и относительно неэффективности расследования происшествия приемлемой и жалобу в остальной части – неприемлемой;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции применительно к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, которому заявитель подвергся 11 июля 2003 года в тюрьме «Владимирский Централ»;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции применительно к непроведению властями эффективного расследования в связи с жалобой заявителя относительно бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, которому он подвергся в тюрьме «Владимирский Централ»;
4. *Постановил*
(а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции следующие суммы,

переведенные в российские рубли по курсу на день произведения выплаты:

- (i) 20,000 (двадцать тысяч) евро в качестве компенсации нематериального вреда;
 - (ii) 5,000 (пять тысяч) евро в качестве компенсации расходов и издержек;
 - (iii) плюс любые налоги, обязанность уплаты которых может быть возложена на него в связи с этой суммой;
- (b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и составлено в письменном виде 28 октября 2010 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Председатель